



Алёна
Виноградская

БЛЮМЕ В ОПАСНОСТИ

Москва
Издательство АСТ
АСТРЕЛЬ СПб

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6
В49

Дизайн и рисунок на обложке *Юлии Межовой*

Виноградская, Алёна Евгеньевна.

В49 Блюме в опасности / Алёна Виноградская. — Москва : Издательство АСТ : Астрель-СПб, 2026. — 256 с. — (ОДОБРЕНО РУНЕТОМ).

ISBN 978-5-17-184146-1

Индонезийский остров Сулавеси — настоящий тропический рай. Местные жители по сей день соблюдают обычаи, которым много столетий. Здесь до сих пор водятся редчайшие виды животных, а сказочно яркие бабочки, символ острова, привлекают множество охотников — и отнюдь не все из них действуют по светлую сторону от закона.

Но ни один рай на земле не бывает вечным.

Правительство принимает решение создать на острове Национальный парк. Для этого власти готовы снести целую деревню. Теперь семья восьмилетнего Минго Караса должна оставить родной дом, бросить могилы предков, чтобы переехать на новое место.

Но Минго делает другой выбор. Он будет бороться. И если по светлую сторону от закона справедливости не найти — он перейдет на другую.

Завораживающе своеобразное повествование, полное местного колорита и обезоруживающе честное.

ISBN 978-5-17-184146-1

© Виноградская А. Е., текст, 2026
© ООО «Издательство АСТ», 2026

Глава 1. Блюме в опасности

Жители деревни Лайя и не подозревали, что правительство решило их выселить.

В тот самый вторник, 11 марта 2008 года, правительство Индонезии подписало указ об особом статусе части острова Южный Сулавеси. Эта обширная территория от горного водопада Куту включала в себя все деревни на десятки километров от Макассара. Теперь эта часть острова являлась особо охраняемой заповедной зоной.

Правительство приняло решение создать здесь национальный парк.

Минго Карас срезал с дерева щепку, наколот приманку-бабочку на листок и стал ждать.

Они с ученым-энтомологом на много километров ушли от дома Минго в деревне Лайя под Макассаром к горному водопаду Куту. Энтомолог был изможден, к тому же тропу к горному водопаду размыло ливнем, и каждый шаг давался с усили-

ем. Восемилетний Минго Карас увязал в грязи, но совсем не ощущал усталости. Он предвкушал нечто необыкновенное.

— Дядя, скоро?! — Минго притаился в кустах у горного водопада и мучился нетерпением.

Приманка-бабочка покачивалась на листе, и в первые мгновения легко было обмануться: крылья вздрагивали от малейшего прикосновения ветра, а утреннее солнце играло на них оттенками цвета. Казалось, вот-вот вспорхнет! Но стоило приглядеться внимательнее, и становилось ясно: волоски шевелятся от воздуха, а тельце не двигается, не подергивается от едва заметных внутренних движений, лапки не колеблются, пытаюсь удержаться за листок.

Уловка, предназначенная той, что скрывается неподалеку, обитающей только здесь, в этой части острова, на определенной высоте; она прячется в горах, среди отвесных скал у воды.

Едва закончился сезон дождей, как Минго Карас и энтомолог пробрались сюда, сели в засаду и ждали, сгорая от нетерпения.

— Долго еще?! — Минго не хотел сюда идти, но любопытство взяло верх, и сейчас он начал об этом сожалеть: лучше бы помог отцу, а с этим ученым в последние месяцы слишком много хлопот.

Прошло около получаса напряженного ожидания. Минго, затаив дыхание, всматривался в зеленые листья, вздрагивая при каждом движении, которое ему мерещилось, или игре света и тени в листве и ветках деревьев.

От нетерпения ребенок потихоньку закипал; сначала с досады хлопнул себя по ноге, потом строго глянул на энтомолога — тот не обратил внимания, а лишь сосредоточенно вглядывался в окружающее пространство, — затем все чаще и чаще оборачивался в сторону ученого, недовольно фыркая, и, наконец, уставился на него долгим недобрим взглядом, сложив смуглые руки на груди.

— Mister Gila¹! — выругался Минго, вспомнив, как отец называл ученого, посмеиваясь над ним в кругу соседей, и вскочил на ноги.

Мистер Сумасшедший дернулся, схватил Минго за руку и резко потащил вниз, к себе.

— Тихо! Спугнешь! — Он прижал мальчика к себе, закрыв тому рот дрожащими пальцами. — Сиди и не смей дернуться!

Минго от неожиданности лишь растерянно захлопал глазами, слыша, как бухает его сердце и от-

¹ *Gila* — «сумасшедший» (индонез.).

дает в уши, потом сердито сжал руку энтомолога, закрывавшую ему рот, и отбросил.

Энтомолог лишь ухмыльнулся и покачал головой, снял рюкзак с привязанным сачком и стал понемногу растирать плечи.

Минго присел рядом на камень и затих, от скуки разминая ногами влажную землю. Мутная вода просачивалась сквозь пальцы; мальчик удивленно рассматривал стопы, шевелил пальцами, но не мог взять в толк, почему же так? Он с недоверием глянул на ученого, на его грязный рюкзак, набитый всякой всячиной для охоты; перевел взгляд на бабочку-приманку и снова на свои ноги. Минго нахмурил брови, опустил пятку глубже и резко поднял: вода причмокнула, и кусок земли хлюпнулся обратно, запачкав брызгами закатанные штанины.

Минго искренне не понимал, почему за каких-то насекомых, таких же, каких они с соседскими ребятами давят на улицах ради потехи, дают большие деньги. Почему ради каких-то насекомых, которых и так полным-полно летает рядом с их домом в деревне, нужно идти так далеко, пробираться на высоту и часами ждать. Что в них особенного?

Вот этими ногами чуть ли не каждый день он топчет всякую мелочь на дороге, иногда случайно,

но чаще для смеха и развлечения. Его ноги особенные? Совсем нет. Минго не нашел в них ничего удивительного, ради чего стоило бы так стараться, сколько ни вглядывайся. Ребенок беспомощно пожал плечами. «Как бросать соль в море», — вдруг вспомнились Минго Карасу слова бабуленьки. Она всегда ворчала вот так, когда уставала от работы.

В небе показался всполох синего: крылья с мерцающим изумрудным напылением на темном матовом фоне с переливами лазоревого и бирюзового сияния.

— Эй, ммм... Никки, смотри! — Ученый-энтомолог повернулся к мальчишке, указывая пальцем в сторону дерева; его рука задрожала сильнее, он замер, провожая взглядом насекомое, потом осторожно стал нащупывать сачок и развязывать узлы.

— Меня зовут Минго Карас, — недовольно проворчал мальчик: дядя вечно коверкает имена. *Буле*¹, он и есть буле. Несмотря на это, ученый ему нравился, и Минго с любопытством оглянулся туда, куда указывал дядя.

¹ От исковерканного английского «*bull*» — «бык», «белая корова», жаргон, означающий что-то необычное, в частности светлогожего иностранца.

Бабочка снижалась осторожно. Ее цвет завораживал. Цвет будто другого измерения, он менялся каждый миг под лучами солнца. Совершенная, недостижимая красота. Минго смотрел заворожено, не отрываясь, боясь моргнуть, чтобы не упустить малейшие детали: он чувствовал, как сердце забилося сильнее, что он очарован, покорен этим неземным, диковинным сиянием.

В воздух взметнулся кусок красной ткани, но бабочка резко дернулась в сторону, вспорхнула выше и исчезла за кроной ближайшего дерева. Энтомолог разочарованно зашипел и опустил сачок. Поймать такую очень непросто — она оберегает себя лучше других насекомых, проживая свою жизнь недоверчиво и пугливо.

Ученый бережно снял с листа приманку-бабочку и перенес ее на другой листок, ближе к водопаду, собрал рюкзак и сел в засаду в соседних кустах. Минго машинально последовал за ним: он находился под сильным впечатлением от увиденного и не мог больше ни о чем думать. Всполох синего, изумрудное сияние... Ему чудились драгоценные камни, свет их граней, такой близкий и такой далекий; небо и планета Земля, огромная, увиденная им однажды на карте; и этот утренний жаркий воздух

вдруг показался ему таким же сладким, как мякоть спелого рамбутана.

Прошел еще час томительного ожидания. Ученый сосредоточенно всматривался в листву и в пространство над водопадом, время от времени делая замах, тренируя руку. Минго Карас грезил наяву; он прикрыл глаза, чтобы лучше видеть.

Энтомолог обеспокоенно бросал взгляды на часы: чем дальше стрелка ползла вверх, тем более озабоченным он выглядел. «Охрану уже выставили», — в очередной раз взглянув на часы, подытожил он.

Минго дернулся и открыл глаза: что-то смутное встревожило его дремоту, какое-то неясное предчувствие; краем глаза он заметил или, скорее, почувствовал легкое движение — нет, померещилось.

В тени среди высоких тонких листьев сверкнуло. Минго подскочил и весь превратился в зрение: он вглядывался в листву до жжения в глазах, пытаясь вновь поймать это свечение.

Сердце ухнуло, Минго с силой вцепился в плечо энтомолога. Ученый пробурчал не оборачиваясь: «Ну что еще? Да не знаю я, скоро ли». Минго тряхнул плечо, энтомолог устало потянулся к руке мальчика, чтобы сбросить; тогда Минго сжал кулак и пихнул того в бок. Ученый хмуро обернулся

и сразу посветлел. Он схватил красный сачок и радостно сжал его, не отрывая глаз от цели.

Из высоких тонких кустарников неспешно спустилась бабочка. Она снижалась медленно, неровно, то опускаясь ниже, то вдруг дергаясь в сторону, подрагивая усиками, то на миг замирая, зависая в воздухе, то вдруг быстро-быстро взмахивая крыльями, взлетая все выше и выше. Ученый то живо отвечал на каждое движение насекомого радостным «Ну же, давай!», когда бабочка подлетала ближе к приманке, то разочарованно поджимал губы, когда насекомое неожиданно взмывало вверх и в глаза ударял солнечный свет, ослепляя. Минго от волнения часто сглатывал, и во рту пересохло. Ученый вытянул сачок дальше, еще немного, ну же, давай... Вверх взметнулся красный кусок ткани, еще чуть-чуть — и невероятные бирюзово-лазуритовые переливы крыльев скрылись под огромным треугольником сачка.

У Минго замерло сердце. Энтомолог аккуратно извлек драгоценное насекомое и на секунду сжал тельце. Сияние погасло.

Минго снял приманку с листа. Теперь эти две бабочки ничем не отличались. Энтомолог спрятал улов в треугольник воцеленной бумаги и зарыл среди вещей. Минго размышлял, станет ли их новая до-

быча когда-нибудь такой же приманкой? Насадят ли и ее на щепку? И будет ли она также манить к себе других, еще живых?

Мертвые, они были намного ценнее.

Энтомолог в который уже раз глянул на часы, поджал губы и покачал головой; сел на камень, отвязал бутылку воды от пояса, достал из рюкзака пряный рис, завернутый в лепешку. Рис был красным от перца. Ученый разломал лепешку и протянул Минго. Рот и глотку нестерпимо жгло; ученый глотнул воды, еще и еще, но тот, кто часто ест острый перец, знает — это не поможет, а часто и наоборот, вкус покажется острее. На глазах энтомолога выступили слезы, он поперхнулся и начал хватать ртом воздух. Минго улыбнулся, быстро прожевал лепешку, проглотил и только раз шмыгнул носом.

— Дядя, не три... — Минго не успел предупредить ученого, и тот стряхнул слезу пальцами. На них еще оставался красный перец, и ученый скривился: немного попало в глаза, и слезы потекли еще обильнее.

Минго рассмеялся, но добродушно. Деревенским нравилось посмеиваться над неловкостью иностранного чудака, но делали они это за спиной, а в лицо всегда называли только «мистер». Он не сказал им своего имени, поэтому каждый

выдумывал ему клички на свой лад: Минго Карас звал его по-родственному дядей, родители Минго — мистером Ученым, когда он им помогал, или мистером Сумасшедшим, когда его дела наводили слишком много суеты в их доме, или же просто буле. Конечно, буле.

Откашлявшись, энтомолог взбодрился, привязал бутылку обратно к поясу, и они с Минго стали спускаться по склону скалы. Придется возвращаться другой дорогой вдоль реки: обходной путь ведет мимо рисовых полей, где охранники могут остановить, обыскать, найти бабочку. Этот путь на крайний случай — слишком опасный. Энтомолог останавливался через каждый десяток шагов, прислоняясь к скале и закрывая глаза, чтобы унять дикую пляску деревьев, листьев и света перед глазами; голова кружилась, идти отрезок пути вдоль отвесных скал было непросто: стоит схватиться рукой за неверную опору или сделать неосторожный шаг, и вниз срывается оползень.

Минго Карас шел следом, не очень-то смотря под ноги, с любопытством заглядывая вниз с обрыва, крутя головой по сторонам, проводя пальцами по влажной скале, оказавшейся в тени, и поминутно натываясь на спину энтомолога, решившего сделать передышку.

Они подошли к мотоциклу, который оставили на тропе у горного ручья. Он принадлежал отцу Минго и был выкрашен в сине-зеленый цвет: утром невидимый в траве, в сумерках — едва различимый на дороге; он тоже умел прятаться.

Минго Карас и ученый на полной скорости промчались мимо рисового поля, охрана которого не обратила на них ни малейшего внимания: местный мальчишка за рулем мотоцикла с иностранным туристом в шлеме выглядел совершенно обычно даже в этот час и в этой явно нетуристической местности. Уж точно не так подозрительно, как выглядел бы иностранец на местном транспорте, знающий, куда ехать, здесь и в этот час в придачу с местным мальчишкой, праздно сидящим сзади. Это вызывало подозрения.

Минго заглушил мотор, схватил шлем, который ученый-энтомолог сунул ему в спешке, прыгнув с мотоцикла чуть ли не на ходу, когда они подъехали к дому семьи Минго, быстро нацепил шлем на руль и поспешил за ученым, который уже вбегал в дом, будто за ним гналась охрана с поля. Отец Минго был во дворе, но ученый пробежал мимо, не заметив его, а Минго лишь махнул рукой, бросив «Доброе утро, отец», совершенно забыв о том, что еще пару часов назад больше все-

го хотел оказаться именно здесь, с папой, помогая в его делах. Теперь Минго стремился увидеть как можно больше и поскорее, боясь упустить малейшее движение ученого.

— Куда рванул?! — крикнул отец Минго, но тот будто и не слышал, промчавшись мимо вслед за энтомологом. — Этот чокнутый буле меня доконает! — пробурчал папа Минго, взял большую плетеную корзину, придирчиво осмотрел ее изнутри и снаружи, покрутил крышку от корзины в руке, увидел торчащие лохмотья, процарапанные когтями, скривился и потянулся за веревкой, чтобы починить прореху.

Энтомолог склонился над столом и осторожно вытряхнул содержимое из вошеного треугольника.

Минго Карас, затаив дыхание, наблюдал за пляской света на крыльях насекомого: он наклонился совсем близко, чтобы разглядеть мельчайшие детали, и впервые увидел на крыльях крошечные чешуйки; мальчик замер, почти касаясь крыльев насекомого носом, и ему показалось, что он чувствует, как пахнет бабочка: тонкий, душный запах то ли пыльцы, то ли солнечного света.

— Чудесный экземпляр для коллекции, довольно крупный. — Энтомолог рассказывал и одновременно доставал и выкладывал на стол разные

приспособления. — Нужен наметанный глаз, чтобы отличить самца от самки... хм... ну да... и то частично ошибешься.

Ученый раскрыв створки небольшой коробки и с помощью щепок переместил бабочку туда, затем нашел булавку и проткнул тельце в верхней трети. Минго поморщился; хоть он и знал, что бабочка мертвая, ему стало не по себе.

— Скоро этих крошек будут охранять еще строже, — продолжал ученый, расправляя крылья насекомого тонкой палочкой и нарезая узкие полоски бумаги. — Ходят слухи, что тут собираются создать заповедную зону.

Энтомолог расправил крылья, под определенным углом сведя их вместе, и закрепил каждое полоской бумаги.

— Ну вот, готово, — удовлетворенно заявил он, — пара недель, и высохнет.

Он взял лист бумаги и сделал надпись: «*Papilio blumei*. Индонезия. Остров Сулавеси, юг». Поднял коробку и небрежно бросил в угол.

— Что написал, дядя? — Минго с сожалением поджал губы, видя, как коробка со стуком ударяется о разный хлам в углу. Он представил, будто это последний полет бабочки, и тот вышел довольно жалким.